

ОТВѢТЪ НА СТАТЬЮ Н. А. БЕРДЯЕВА ОБЪ «ЕВРАЗІЙЦАХЪ».

Въ статьѣ Н. А. Бердяева («Путь №1») евразійство встрѣчается съ попыткою добросовѣстно и непредвзято подойти къ евразійской идеологіи по существу. И если нѣтъ никакой надобности отвѣчать людямъ, которые сознательно или безсознательно не хотятъ понимать евразійства, если суетно нисходитъ до спора съ противниками, орудіе которыхъ — риторическій лже-пафосъ и персдержка, то, наоборотъ, критическая замѣтка Н. А. Бердяева самимъ благожелательно-вдумчивымъ своимъ подходомъ къ проблемѣ вызываетъ на отвѣтъ и помогаетъ разсѣянію нѣкоторыхъ недоразумѣній. Ибо указанные авторомъ въ евразійствѣ «элементы зловредные и ядовитые, которымъ необходимо противо-дѣйствовать» существуютъ, на нашъ взглядъ, не въ евразійствѣ, а въ воображеніи критика. Строить изъ вырванныхъ изъ контекста всей идеологіи элементовъ воображаемаго евразійца («турку») и потомъ его уничтожать не трудно, но едва-ли правильно. Соблазнъ-же къ подобной операциіи вызывается самою природою евразійства, къ которому нельзя подходить, какъ къ готовой окостенѣвшей программѣ. «Въ мышленіи евразійцевъ совсѣмъ нѣтъ категоріи духовной свободы».

— Вотъ это-то именно и ошибочно. Евразійская идеологія какъ разъ и есть — такъ ее ощущаютъ и понимаютъ сами евразійцы — свободно становящаяся система, опредѣленная своими основными идеями, но не исключая индивидуальнаго многообразія ея пониманій. Не жесткія формулы, не личные взгляды того или иного евразійца — эти взгляды вогутъ быть и ошибочными — опредѣляютъ систему, а идея, по отношенію къ которой формулы играютъ роль служебную. Можно сказать, что евразійство дорожитъ соборнымъ на-

чаломъ и имъ проникнуто. Соборное же начало требуетъ индивидуальной свободы, въ его сферѣ вовсе не равнозначной съ расплывчатостью. Поэтому правильно понять евразійство можно лишь чрезъ сочувственное пониманіе его духа отнюдь не путемъ механической комбинаціи отдѣльныхъ фразъ, какъ и не путемъ возведенія индивидуальныхъ взглядовъ въ обще-евразійскую догму. Искреннее (хотя во многомъ не достигающее цѣли) стремленіе нашего критика именно къ этому и дѣлаетъ, думается, споръ съ нимъ не бесплоднымъ. Повидимому, характеризуя евразійское движеніе, какъ «прежде всего эмоціональное», авторъ имѣетъ въ виду какъ разъ то, что мы сейчасъ выдвигаемъ. Только мы не согласимся, когда эта «эмоціональность» отождествляется съ расплывчатостью или узкимъ упрощеніемъ. Иллюзія упрощенія получается отъ другого. Евразійство разкрываетъ свою идеологію, вовсе не схематически-простую и не туранскую (вѣдь и соответствующая статья кн. Н. С. Трубецкого озаглавлена «О туранскомъ элементѣ въ русской культурѣ», а не «туранствѣ русской культуры».) Оно вынуждено подходить къ своимъ проблемамъ съ разныхъ сторонъ и не можетъ подойти со всѣхъ сразу. Въ процессѣ творческаго развитія оно менѣе всего стремится къ внѣшней систематикѣ, довольствуясь внутренней системностью своей идеологіи. Но, будучи активной группою, ищущею и ближайшихъ задачъ, точекъ приложенія для немедленной дѣятельности, оно должно ясно, кратко и точно строить схемы ближайшей дѣятельности, временныя, конечно, но даннымъ временемъ и оправдываемыя.

Н. А. Бердяевъ ошибается, утверждая, будто «воля» евразійства «направлена къ упрощенію, къ элементаризаціи..., къ

традиціоналізму, боязливому и подозрительному ко всякому релігійозному «творчеству». Ни «динамическій, трагическій духъ русской релігійозной мысли XIX в.», ни «сложная проблематика» намъ не чужды. Но мы знаемъ, что когда рѣчь идетъ о практической дѣятельности, необходимы ясность и простота, а не сложная проблематика, которая не можетъ увести за предѣлы журнальныхъ статей и публичныхъ диспутовъ.

И осуждая «поколѣніе начала XX в.» мы осуждаемъ не его сложность, а расплывчатость, бездѣйственность и безвольность большинства типичныхъ его представителей. И мы умѣемъ ставить и ставимъ «съ большой остротой проблемы, которыя имѣютъ значеніе для далекаго будущаго и для вѣчности», но не забываемъ и о сегодняшнемъ днѣ и хотимъ дѣйствовать. Если мы отвергаемъ измышленія многихъ интеллигентовъ конца XIX начала XX в. (многое въ латинствующемъ Вл. Соловьевѣ и отчасти К. Леонтьевѣ), такъ не «во имя изступленнаго и нигилистическаго утвержденія русскаго православія и русскаго націонализма», а потому, что считаемъ ихъ ошибочными, наши-же мысли правильными и, слѣдовательно, православными. Н. А. Бердяевъ высоко оцѣниваетъ русскую релігійозную интеллигенцію предреволюціонной эпохи. — Мы считаемъ нужнымъ различать, и не можемъ по разуму и совѣсти высоко поставить эстетическо-релігійозное уладочничество, латинство и софіанство. Потому, если Н. А. Бердяевъ вѣрить, что блудный сынъ (интеллигенція) «возвращается въ Церковь... и будетъ въ ней играть преобладающую роль», мы боимся, что этотъ сынъ въ ней не будетъ. Евразійство не отрицаетъ полезности того, что Вл. Соловьевъ напоминалъ о заданіи, активности и свободѣ христіанства. Но почему нельзя считать вредными заблужденіями его «теократическую концепцію», (что дѣласть и критикъ), его католицизмъ? Почему нельзя точно опредѣлять его философскій удѣльный вѣсъ? «Не патриотично и не національно отрицать своего величайшаго мыслителя?» Ну, а если его только нѣкоторые считаютъ «величайшимъ»? Надо-ли во имя патриотизма закрывать глаза или, воздерживаясь отъ высказыванія, творить себѣ кумировъ?

Споръ съ евразійствомъ бесплоденъ, если онъ ведется въ плоскости заслугъ. Есть у интеллигенціи, у стараго поколѣнія нѣкоторыя «заслуги». Кто-же съ этимъ

спорить? Есть заслуги и у евразійства въ настоящемъ и, вѣримъ, въ будущемъ. Сравнительная-же оцѣнка тѣхъ и другихъ не можетъ быть произведена правильно заинтересованною въ спорѣ стороною; кто изъ насъ правъ, — покажетъ время; и намъ обоимъ лучше стоять каждому за свою правду и вести споръ, какъ одно идеологическое направленіе съ другимъ. Тѣмъ болѣе, что и Н. А. Бердяевъ усматриваетъ корни евразійства въ славянофильствѣ, т. е. считаетъ евразійство видомъ «отвергаемаго» евразійцами русскаго идеологическаго движенія. Съ своей стороны, мы, не отвергая нимало родства нашего съ нѣкоторыми славянофилами, особенно съ А. С. Хомяковымъ, вовсе не считаемъ евразійство «воспроизведеніемъ» мыслей старыхъ славянофиловъ и, въ частности, Н. Я. Данилевскаго, хотя и ставимъ его очень высоко. Отъ Данилевскаго евразійство отличается уже тѣмъ, что несравнимо сильнѣй подчеркиваетъ релігійозный моментъ. Евразійство исходитъ изъ пониманія православія, какъ единственной непорочной Церкви, рядомъ съ которою католичество и протестантство опредѣляются какъ разныя степени еретическихъ уклоновъ, искажающія ихъ своеобразныя заданія. Далѣе, евразійство утверждаетъ, что въ православіи корень и душа національно-русской и евразійской, идущей къ православію, но частью еще не христіанской, культуры. Конечно, утвержденіе равноправности и равноцѣнности всѣхъ христіанскихъ исповѣданій для насъ неприемлемо. Православіе не только «восточная» форма христіанства, но и *единственная вселенская Церковь*. Если это партикуляризмъ, — мы его предпочитаемъ «согласительству». Но это не партикуляризмъ, а — единственный истинный универсализмъ. Ибо тѣмъ самымъ исключается абстрактно-общее, тѣмъ самымъ утверждается не только множественность самобытныхъ культуръ, но и ихъ іерархія, нынѣ вѣнчаемая православною евразійско-русскою. Мы вернемъ упрекъ въ «номинализмъ». Ибо номинализмъ заключается въ признаніи какого-то абстрактно-общаго христіанства или въ признаніи равноцѣнности исповѣданій.

Номинализмъ и отрицаніе іерархіи слышатся намъ и въ призывахъ къ «русской всечеловѣчности и всемірности», практически сводящейся къ лозунгу: «европеизуйтесь». Для насъ Православіе универсалистично, но только въ томъ смыслѣ, что пра-

вославная Евразія и православная Россія будетъ гегемономъ культурнаго міра, если она всецѣло раскроетъ себя. Считать подобную концепцію социализмомъ или «натурализмомъ» невозможно. Выводить изъ нея «нелюбовь и отвращеніе къ другимъ народамъ» — неправильно. Эти ошибочные выводы проистекаютъ изъ смѣшенія плановъ. Для западника (какимъ былъ Вл. Соловьевъ и частью К. Леонтьевъ) равнодушнаго къ православію и евразійско-русской культурѣ, универсализмъ неизбѣжно совпадаетъ съ европеизаціей. Гармоническое единство культуръ подъ эгидою евразійско-русской, западникъ мыслить, какъ единообразіе романско-католической (европейской). Все русское обращая на потребу европейскаго, онъ органически отстраняется отъ самобытно-русскаго. «Сначала европеизуйтесь, потомъ развивайте свое». Къ тому-же западникъ или — по сложности своихъ проблемъ — пассивенъ, или разрушительно-активенъ, какъ большевики-коммунисты, съ точки зрѣнія евразійцевъ не «порожденіе Востока Ксеркса», какъ предполагаетъ Н. А. Бердяевъ, а продуктъ Запада, (см. «Наслѣдіе Чингисхана»). Для евразійца точка необходимаго приложенія силъ — въ развитіи самобытно-евразійскаго, каковое развитіе является предъусловіемъ культурнаго расцвѣта міра. Здѣсь въ евразійствѣ совпадаютъ теоретическая и практическая тенденціи. И намъ важно говорить прежде всего о русскомъ, дѣлать прежде всего русское дѣло. Чтобы не расплыться въ бездѣйственномъ теоретизированіи необходимо выбрать исторически реальный и важный моментъ. Еще будетъ время подробнѣе развить евразійскую обще-историческую концепцію. Сейчас необходимо говорить о Россіи. Напрасно отсюда дѣлаютъ выводы, что Европа для евразійцевъ не существуетъ. Она — дай ей Богъ здоровья — должна быть координирована съ Евразіей. Но это дѣло будущаго. Сейчас романская Европа по всѣмъ видимостямъ умираетъ. Можетъ родиться новая Европа, германская. Пока евразійцы заняты своимъ, роднымъ. Больше того, они расширяютъ старую русскую проблематику въ сторону другихъ евразійскихъ народовъ, пытаются выдвинуть опущенное, говорятъ о «туранскомъ элементѣ», о «наслѣдіи Чингисхана». Но неправильно отсюда заключать къ намѣренію евразійцевъ туранизировать Россію и къ отреченію ихъ отъ другого наслѣдства, — отъ наслѣдства Эллинскаго Востока, хотя мы и не считаемъ

Западъ равноправнымъ съ нами его наслѣдникомъ. Евразійцы не думаютъ, что Россія — продолженіе Азіи, какъ не думаютъ они, что «универсальныя основы человѣческой культуры... — античныя». Россія обладаетъ своею собственною, евразійскою природою, а не европейскою, не античною и не азіатскою, хотя она освоила наслѣдія античной, азіатской, частью и европейской. Осваивая европейскую, она многимъ себѣ повредила, Европа-же романско-католическая такому поврежденію весьма поспособствовала и донинѣ по отношенію къ Россіи агрессивна. Поэтому практически сейчасъ на первый планъ и выдвигается преодоленіе европейскаго яда (еще конкретнѣе — русскаго коммунизма). И только тотъ, въ комъ почему-либо слабо национально-русское самосознаніе, можетъ всей настоятельности такой борьбы не видѣть. Конечно, духъ европеизма, т. е. духъ католицизма Православію и Россіи враждебны (доказательство — большевики-коммунисты, генеалогія которыхъ хорошо разоблачена уже Достоевскимъ). И съ ними надо бороться. Это вовсе не отрицаніе цѣнностей европейской культуры въ прошломъ и возможности ихъ къ будущему. Къ сожалѣнію, исторія культуры менѣе всего напоминаетъ идиллію Теоокрита.

Несправедливо обвинять евразійство въ томъ, что оно будто-бы тяготѣетъ къ язычеству евразійскихъ народовъ и готово соединиться съ ними противъ христіанской культуры Запада. Во первыхъ, оно цѣнитъ въ евразійскихъ народахъ не язычество, а потенциальное православіе ихъ, вовсе однако не понимая ихъ христіанизации въ смыслѣ насильственнаго подчиненія ихъ русской формѣ православія, напротивъ — стремясь къ тому, чтобы они стали православными изъ себя и на основѣ своей специфической культуры. Во-вторыхъ, евразійство не мыслить евразійскаго міра иначе, какъ подъ водительствомъ *православной* Россіи. Въ третьихъ, евразійство не считаетъ правильнымъ отождествленія западно-европейской культуры съ христіанскою. Впрочемъ, на почвѣ христіанства, какъ одна изъ его историческихъ формъ, западная культура, въ существѣ своемъ, давно уже отеклась отъ христіанства, въ тоже самое время притязая на то, что ея исповѣданіе есть единственная общеобязательная форма христіанства. И этимъ, и отреченіемъ своимъ отъ христіанства, Западъ, на нашъ взглядъ, компрометируетъ христіанскую идею въ средѣ язычества (ср.

католическія миссиі въ Индіи и Китаѣ).

Н. А. Бердяевъ, допуская, что евразійцы чувствуютъ начало новой исторической эпохи, вмѣстѣ съ тѣмъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они просматриваютъ «главную особенность русскаго православія... — его эсхатологичность». Но по нашему мнѣнію эсхатологичность — «особенность» не русскаго православія, а — Н. А. Бердяева. Мы вовсе не думаемъ, будто людямъ дано знать, когда придетъ антихристъ и даже почитаемъ *такую* эсхатологию особенностью

романскаго запада, т. е. тѣмъ «провинціализмомъ», въ которомъ насъ упрекаетъ критикъ. Равнымъ образомъ чуждо намъ и вѣдшее сопоставленіе переживаемой эпохи съ «эллинстической». «Национализмъ» вмѣстѣ съ критикомъ мы отвергнемъ, но думаемъ, что будущее культуры пройдетъ не чрезъ раствореніе народностей въ первичномъ смѣшеніи, а чрезъ развитіе и раскрытіе народностей, прежде-же всего народностей Евразіи и собственно-русской.

Л. П. Карсавинъ.